

Цзян Чжо чувствовал, как в его груди бушует целая буря мыслей. Сперва он сотворил заклинание:

— Погружение в песок!

Погружение в песок было одним из вспомогательных заклинаний Секты Пошо. По своему эффекту оно напоминало Внезапное Погружение, вот только превосходило его по мощи во много раз. Стоило его применить, как земля на несколько ли вокруг превращалась в зыбучий песок и уходила из-под ног. Впрочем, именно из-за столь обширного радиуса действия Цзян Чжо прибегал к нему крайне редко.

Стоило заклинанию сработать, как погребальная камера и вправду замедлила ход: казалось, ее ноги увязли в песке, а сами движения стали неповоротливыми и вялыми.

Не теряя времени даром, Цзян Чжо тут же наложил еще одно заклинание:

— Тайфэн!

Однако Тайфэн лишь на мгновение заставил склеп замереть на месте — ему даже не удалось отбросить монстра назад. Сердце Цзян Чжо слегка опустилось: раз это чудище не смогли сдвинуть даже ветры Тайфэн, пожалуй, оно оказалось куда больше, чем он себе представлял.

К счастью, радиус Погружения в песок был достаточно велик, и склеп увяз в нем настолько надежно, что еще долго не мог продвинуться вперед.

Цзян Чжо произнес:

— Сват приложил столько усилий, чтобы собрать все три вида пламени, и это определенно связано с происходящим здесь чудом. Сперва нам нужно потушить истинное пламя того товарища.

Под «тем товарищем» он имел в виду Ань Ну, который неподвижно лежал в самом углу. И хотя грохот внутри помещения стоял оглушительный, он не издавал ни звука. Ло Суй тут же набросал Пустой Талисман и с помощью ци притянул Ань Ну к себе. Истинное Пламя Палящего Солнца уже сожгло узкие рукава его верхнего халата. Сам же он состоял из одних лишь костей и теперь походил на пучок сухих дров.

Цзян Чжо хотел потушить огонь, но adeпты Секты Пошо специализировались на Мече Огня Кармы, и среди их двенадцати вспомогательных техник не нашлось ни единой, связанной с водой. Ему не оставалось ничего другого, как приняться яростно обмахивать Ань Ну складным веером, на ходу выкрикивая:

— Друг мой, очнись же, очнись, очнись, очнись!

Преисподний Веер обладал свойством устрашать и повергать в шок духов, но кто же знал, что Истинное Пламя Палящего Солнца окажется таким упрямым? Стоило ему услышать призыв очнуться и ощутить дуновение веера, как оно вспыхнуло с новой, удесятеренной силой. В погребальной камере стало так жарко, что с людей градом катил пот, а защитные талисманы по периметру то ярко вспыхивали, то тускнели. Если так пойдет и дальше, их и впрямь принесут в жертву!

Поняв, что Преисподний Веер бессилен, Цзян Чжо спросил:

— У тебя найдется вода посильнее?

Ло Сюй ответил:

— Найти-то найдется, да только на одной ладони ее не уместить...

Цзян Чжо решительно закатал оба рукава, обнажив перед Ло Сюем не только кисти, но и предплечья:

— Бери обе руки, неужели этого не хватит, чтобы начертать заклинание?

Ло Сюй пристально посмотрел на его руки и запястья, а затем неожиданно улыбнулся, но в глубине его глаз затаилась неизбывная тоска:

— Какой же ты глупец... Ладно, начерчу-ка я для тебя Моря и Реки.

С этими словами он все так же бережно держал Цзян Чжо за запястье, словно это было величайшее сокровище, и неторопливо вывел в центре его ладони иероглиф.

Моря и Реки, как и Бурные Волны, относились к древним заклинаниям племени Куу. Если Бурные Волны призывали лишь бушующие валы, то Моря и Реки обращали саму землю в бескрайний океан. Поговаривали, что до того, как Гора Дунчжао обрушилась, на ее вершине шумело Беспредельное Небесное Море, а заклинание Моря и Реки как раз и было заимствовано племенем Куу из тайных речей этого моря, а потому обладало поистине грозной силой.

Цзян Чжо предостерег:

— Подожди-ка, погребальная камера и так невелика. Если тыпустишь в ход эти Моря и Реки, еще неизвестно, погаснет ли истинное пламя, но мы-то с тобой захлебнемся первыми.

Ло Сюй указал на Ань Ну:

— Задействуй лишь одну десятую долю силы — утопишь только его.

Цзян Чжо тут же откликнулся:

— Сам велел — друг мой, не обессудь!

Кто бы мог подумать, что заклинание Моря и Реки и впрямь окажется невероятно мощным? Едва он успел его применить, как погребальную камеру попросту разорвало изнутри! Троица даже сообразить ничего не успела, как их выбросило наружу. Раздалось несколько глухих шлепков, и они один за другим попадали в воду — оказалось, что даже песчаная равнина снаружи уже скрылась под толщей воды!

Цзян Чжо плавать не умел и воды боялся больше всего на свете. Поскольку отец с матерью у него отсутствовали, в детстве некие обманщики заманили его в Реку Молитв, где он едва не захлебнулся насмерть. Позже, поднявшись на Гору Бэйлу, он ночами то и дело видел в кошмарах Реку Молитв. На самом деле эта река брала свое начало в Небесной Трагедии, и звали ее Рекой Скорби. В ее водах сгинуло немало людей, отчего она источала тяжелую, зловещую ци, из-за чего он слег с тяжелой болезнью. Именно поэтому первый талисман, которому его обучил Учитель, был Талисманом Избегания Воды. Лишь освоив его, Цзян Чжо избавился от львиной доли своего страха перед водной стихией. В тот день на Хребте Мин-гун Тяньнаньсин так поспешно попыталась остановить его, когда он бросился в Реку Черной Змеи, на самом деле именно по этой причине.

Стоило ему оказаться в воде, как Цзян Чжо затрясло всем телом. Вода, вызванная заклинанием Моря и Реки, леденящим холодом пронизывала до костей, живо напомнив ему Реку Молитв. Захлебнувшись пару раз, он решил немедленно начертать себе Талисман Избегания Воды, однако прежде чем он успел пошевелиться, его запястье крепко сжало чьей-то рукой, и чей-то рывок единым мигом вытащил его на поверхность.

Выловив Цзян Чжо, Ло Сюй не стал медлить ни секунды: пока тот жадно хватал ртом воздух, они вдвоем уже карабкались на берег.

— Кхе-кхе... — полуживой Цзян Чжо прохрипел: — Благодарю, премного благодарю... Скажи... а где же Ань Ну?

Ло Сюй оглянулся и подтянул к себе деревянный ящик — Ань Ну так и болтался, привязанный петлей к его веревке. К окружающим он выказывал полное пренебрежение и даже прикасаться к ним не желал.

Цзян Чжо проговорил:

— Послушай, твой ящик... кхе... кхе! Почему до этого к нему нельзя было прикоснуться, а теперь можно?

Ло Сюй разжал пальцы, отпуская его руку:

— На нем наклеены талисманы. Разрешать кому-то касаться его или нет — зависит исключительно от моего настроения.

Цзян Чжо потянул за веревку и, заметив, что конечности Ань Ну безвольно повисли, даже не поднимая головы, вздохнул:

— Все кончено, из кучи дров получилась куча пепла, этот товарищ, боюсь, испустил дух.

Он уже и не надеялся на чудо, но вдруг костяной каркас слегка затрясся, и Ань Ну действительно приподнял череп, в глазницах которого теплился крошечный язычок пламени:

— Я... я еще жив...

Взявшись за веревку, Цзян Чжо развернул Ань Ну лицом в другую сторону:

— Тогда не соблаговолишь ли ты взглянуть, что это за тварь?

Окружавшие их древние деревья и горы скрылись под водой, образовав небольшой озерцо посреди горного хребта. Прямо посреди озера торчало несколько мохнатых черных лап, на которых покоилось нечто с чудовищно раздутым брюхом — это и была погребальная камера, из которой они только что спаслись.

Ань Ну промолвил:

— Я... я никогда не видел ничего подобного...

Цзян Чжо тоже не встречал такого создания. Тварь выглядела поистине отвратительно — не похожая ни на божество, ни на марионетку. Пока они всматривались в нее, внезапно раздался пронзительный плач, лапы чудища по очереди задвигались, и оно принялось натурально выплывать из озера.

Услышав этот плач, Ань Ну вдруг произнес:

— Сват рассказывал мне, что похоронил здесь останки моих соплеменников, запечатав их глиной Тайцин. Он говорил, что когда я вновь обрету человеческий облик, то смогу попросить Тайцин воскресить весь наш род... Неужели... неужели эта вещь...

Цзян Чжо покачал головой:

— Какая зловещая и коварная тайная техника: сначала накормить глину Тайцин останками целого рода, затем наделить тебя пламенем Палящего Солнца с помощью душ тех же соплеменников, а напоследок привести в движение заклинанием... У меня нехорошее предчувствие.

Истинное Пламя Палящего Солнца служило для вознесения молитв и призывов богов. Одна из его особенностей роднила его с Талисманом Молитвы Богам: оно устанавливало связь с божественной волей, позволяя общаться с божествами на уровне духовных помыслов. Сват нарочно спровоцировал Ань Ну на гнев, заставив пламя разгореться вовсю, чтобы ярость Ань Ну достигла небесных богов. По идее, это должно было навлечь кару божества, чье святилище находилось здесь. Но ведь местное божество Сюйле давным-давно превратили в стража гробницы! Кто же тогда явился на зов в этот самый миг?

Ань Ну задрожал от ужаса, охваченный леденящим страхом:

— Неужели... неужели они и вправду призвали Тайцин?!

Веревка от ящика в руке Ло Сюя лопнула, и он, больше не в силах сдерживаться, бросил:

— ...Ты сошел с ума, неужели эта глиняная уродина — и есть он?!

После хаоса шести областей большинство божеств в подлунном мире были рождены самой природой. Дрная слава о Боге Пепла и Бедствий дожила до сегодняшних дней, и простой народ обычно воображал его либо с синим лицом и клыками, либо свирепым демоном — но уж точно не ослепительно красивым мужчиной. Так что предположение Ань Ну, должно быть, основывалось на слухах, гулявших в двух южных областях.

Цзян Чжо нашел это забавным. Заведя руку с веером за спину, он поддакнул:

— Верно. Как бы плох ни был Тайцин, он точно не отрастил бы себе такое обличье. К тому же стоило бы Тайцин явиться в мир, как Огонь Разлуки Новолуния полыхал бы без остановки. Взгляни на эту уродливую тварь: она и огонь изрыгать не умеет, и величием не отличается — ну разве похожа она на Бога Пепла и Бедствий?

Успокоившись, Ань Ну тоже счел происходящее странным:

— Я просто никак не ожидал, что божества тоже могут оказаться фальшивками.

Цзян Чжо усмехнулся:

— До сегодняшнего дня разве мог я о таком помыслить? Оказывается, глина Тайцин и вправду годится в дело, только вовсе не для еды, а для лепки поделок.

Пробужденное «божество» побродило какое-то время по озеру, выбралось на берег и направилось к какой-то густой роще. Ань Ну услышал в этом плаченно-гнусавом звуке тона, до боли напоминавшие голоса его соплеменников, и глаза его на миг «наполнились слезами» — правда, будучи костяным каркасом, плакать он физически не мог.

Ло Сюй взял себя в руки:

— Идем за ним, посмотрим, куда оно направляется.

Стоило им сделать шаг, как из чащи с шумом взметнулась стая горных птиц, а следом оттуда вырвался ослепительный клинок Меча Огня Кармы и рассек «божество» пополам! Защищенная стражем Сюйле погребальная камера в его брюхе казалась совершенно несокрушимой, кто же мог подумать, что срубить ее снаружи окажется так легко.

Ань Ну погрузился в скорбные воспоминания и невольно издал горестный вопль:

— Ах!

Цзян Чжо хлопнул себя по лбу:

— ...Забыл про младшую сестрицу!

Грозная и неумолимая Тяньнаньсин, заведя их издалека, применила несколько заклинаний Исполнения Приказа, мгновенно очутилась рядом и преградила им путь, скрестив мечи:

— Вы двое!

Ло Сюй сделал вид, будто ничего не произошло:

— Приветствую, младшая сестрица.

Цзян Чжо поспешно спрятался за его спину:

— Здесь опасно, мы вдвоем пошли разведать дорогу первыми...

Тяньнаньсин извлекла какую-то вещицу. Увидев ее, Цзян Чжо радостно просиял:

— Моя Коралловая Подвеска! Учитель прислал ответ!

Тяньнаньсин не спешила отдавать вещь. Сохраняя ледяное выражение лица, она убрала меч в

ножны:

— Верно, четвертый брат, Учитель ответил. Хочешь послушать? Если хочешь, сперва выложи мне все, что здесь произошло.

Цзян Чжо похлопал Ань Ну по плечу:

— Братец Ань, раз уж моя сестрица тоже здесь, поведай-ка нам свою историю. У меня тут возникло кое-какое предположение, но его еще нужно подтвердить, так что мне требуются твои ответы.

Настроение Ань Ну за сегодняшний день пережило такие горки, что их можно было назвать головокружительными. Усевшись прямо на землю, он сначала тяжело вздохнул и лишь затем заговорил:

— Благодарю вас обоих за спасение. Это дело напрямую связано с моим племенем Повелителей Огня и Управлением Тяньмин... Вам, должно быть, известно, что прежнего Великого Чиновника Цзи в двух южных областях звали Цзин Лунь...

При имени Цзин Луня Тяньнаньсин тотчас уставилась на Цзян Чжо. Цзян Чжо раскрыл складной веер и тоже шумно вздохнул:

— Только не смотри на меня так. Я двадцать лет провел в затворе, размышляя над своими проступками, и понятия не имею, что творится в мире за пределами гор.

Ань Ну окинул Цзян Чжо оценивающим взглядом и вдруг широко раскрыл рот от крайнего изумления:

— Неужели... неужели ты и есть Цзян Чжо!

Ло Суй протянул «о-о-о», подперев рукой щеку, и его любопытство разгорелось с новой силой:

— Ишь ты, стоило услышать о злейшем враге, как сразу догадался, что это Цзян Чжо?

Ань Ну пояснил:

— Двадцать лет назад именно ты с мечом поднялся на Пик Лянь... и убил старшего брата Цзин Луня!

Цзян Чжо промолчал. Он опустил взгляд на складной веер, словно вновь вспоминая свой клинок.

Неукротимый Меч (Часть 1)

У Цзян Чжо когда-то был меч по имени Неукротимый. Название происходило из фразы: внезапно столкнувшись с бедой, не испугаться. Этот меч подарил ему Учитель, и Цзян Чжо дорожил им пуще глаза. Двадцать лет назад, отправившись странствовать у подножия гор, он сошелся в трех поединках с адептами Секты Костей Грома в Чжунчжоу, где был начисто разбит Ли Сянлином, прославившим Первым в Поднебесной. Молодой нрав не знал преград: потерпев поражение, юноша не пожелал смириться. Стоя у ворот Секты Костей Грома, он тыкал пальцем в небо и бушевал:

— Свидетели мне небо и земля! Ли Сянлин, придет день, и я вновь явлюсь к твоим порогам, я непременно...

Не успел он договорить, как небо расколол раскат грома, и фиолетовые молнии с треском помчались за ним по пятам. Следуя наставлению Учителя, Цзян Чжо бросился наутек! Бежал он несколько часов кряду, пока, наконец, покинув владения Секты Костей Грома, не вышел к небольшому городку, зажатому между гор и рек.

В те времена Управление Тяньмин еще не обрело былого величия, и все Двенадцать городов Чжунчжоу находились под покровительством Секты Костей Грома. Опасаясь, как бы Ли Сянлин не взял его с поличным, едва ступив в город, Цзян Чжо сбросил Красную Мантию Огненной Рыбы, переоделся в темные облегающие одежды и притворился обычным проводником духов. Он планировал передохнуть пару дней и двинуться дальше, однако в постоялом дворе его до слуха дошла престранная история.

— Коли речь зашла об этой странности, начать придется с истории нашего славного городишка... Почтенные гости, должно быть, знают, что зовется он Городом Сяньинь.

Сказитель подрабатывал на замене трактирного слуги; перекинув через плечо полотенце для протирки столов, он вел рассказ с большим артистизмом.

— Но отчего же он именуется Сяньинь, то есть «Звуки Бессмертных»? И тут кроется своя предание. Ходят слухи, будто божество луны Хуэйман страсть как любило музицировать и почитало за милость небесную музыку. Нередко оно брало с собой служанок — горных духов — и отправлялось странствовать повсюду. В один прекрасный день божество проезжало через наши края и, залюбовавшись здешними пейзажами, где горы сливаются с водой, а виды поистине живописны, испытало такой прилив чувств, что затянуло песню прямо под открытым небом...

Дальше пошло нечто невообразимое! С той поры в каждую ночную пору полнолуния над здешними местами неизменно разносится дивное пение. А поскольку пение то звучало столь чисто и нежно, что помогало заснуть и отгоняло хвори, простолюдины из окрестных селений, стоило кому-то занемочь простудой, неизменно приходили сюда пожить на пару месяцев. По этой причине наш Город Сяньинь прослыл далеко за пределами Чжунчжоу прекрасным и пригодным для жизни уголком. Но, к великому несчастью, ровно год назад все здесь круто

изменилось.

Дойдя до этого места, трактирный слуга даже понизил голос, словно боялся, что его услышит нечто неведомое.

— Сперва на это никто не обращал внимания: в каждую полнолунную ночь в пригородных домах то и дело пропадали куры да собаки. Поначалу хозяева думали, что поблизости от их жилищ шастают воры, а потому сбились в отряды и тайком сговорились изловить татя прямо на месте преступления в следующую же лунную ночь.

И вот настала ночь полнолуния. Обитатели пригорода, следуя уговору, разделились на три отряда и залегли в засаде вокруг домов. Вооружившись мотыгами, они плашмя лежали на земле, выжидая появления злоумышленника... Но та ночь выдалась на редкость ясной, луна сияла ярко, а в пригородной тишине не было слышно даже привычного стрекота насекомых или птичьих трелей. Они ждали до тех пор, пока луна не поднялась к зениту, но воры так и не объявились.

Староста общины, человек горячего нрава, заподозрил, что кто-то предупредил воров, и послал доверенного человека вернуть остальные два отряда. Кто бы мог подумать, что этот посланец, едва ступив на лесную тропинку, с концами сгинул в темноте! Не дождавшись возвращения людей, староста схватил мотыгу и отправился на поиски сам. Стоило ему ступить на тропу, как вокруг все погрузилось в непроглядный, зловещий мрак, где не мерцало ни единого огонька.

Староста шагал сквозь чащу, держа в руке фонарь, но случилось нечто странное: тропинка, которую он с закрытыми глазами мог пройти вдоль и поперек, на этот раз казалась бесконечной! Бродя кругами по зарослям, он вдруг услышал таинственное пение. Мелодия эта словно привораживала — от нее у него мысли вразлет пошли, а в глазах затуманило... Ноги же сами собой, не повинувшись хозяину, шагали напрямик в чащу в такт этой песне...

Он брел в полном забвении, уже не помня, сколько времени прошло, а опомнился лишь тогда, когда уселся перед полуразрушенной кумирней. Старосту бросило в дрожь: полусонный, он заметил, что его фонарь валяется внутри разрушенного храма. Надо сказать, умом староста тоже не блистал — увидав фонарь, он даже не удивился, а возжелал во что бы то ни стало подобрать его. Дрожащими шагами ступив на порог кумирни и еще не успев дотронуться до фонаря, он увидел, как тот сам собой «подпрыгнул»!

Эта картина едва не до смерти испугала старосту: в круге света, отбрасываемого фонарем, висела пара человеческих ног... Айя! В ужасе рухнув на задницу, он разглядел, что хозяином этих ног был крепкий мужик с выкаченными глазами, высунутым языком и багровым лицом. Лицо это казалось до боли знакомым, и, приглядевшись внимательнее, он узнал в нем того самого доверенного слугу, которого послал вперед пару мгновений назад. Непонятно только, в чем тот провинился, раз за столь короткое время оказался здесь и был повешен живьем!

Какой бы ни была храбрость старосты, от страха у него душа в пятки ушла. У него затряслись коленки, он испустил жалобный вопль и бросился на четвереньках к выходу. Но коварство

происходящего заключалось в том, что в местах, где только что было пусто, теперь повсюду висели мертвецы! Эти покойники висели вплотную друг к другу — плечом к плечу, ступня к ступне, причем все они были свежими. Обезумев от ужаса и лишившись рассудка, староста перестал смотреть по сторонам и покатился кубарем к дверям храма, как вдруг пение зазвучало вновь...

В полубессознательном состоянии тело старосты само собой поднялось на ноги, и он зашагал обратно в кумирню. Отуманенным взором приближаясь к источнику пения сквозь ряды висящих в воздухе ног, он разглядел среди них сгусток чистейшего белого тумана...

Трактирный слуга звонко хлопнул ладонью по столу, заставив погруженных в рассказ гостей вздрогнуть от неожиданности. Сложив руки в приветствии, он поспешно завершил историю:

— И тогда этот староста с катушек съехал! Когда его отыскиали ученики Секты Костей Грома, он уже был полным дурачком и не понимал ни единого слова.

Зал тут же наполнился недовольным гулом: те, кто попивал вино, швырнули чаши на столы и принялись возмущаться:

— Разве это страшная история? Сначала напускал туману, а оказалось, что все уже закончилось!

Проводники духов, странствуя по разным областям, падки до всяких «странных происшествий». Поскольку недавняя война шести областей только-только утихла, многие старые школы и секты сильно ослабли, причем больше всего потерь понесли две главные ветви Несущих Небо Столпов — Секта Пошо и племя Шаман. Это предоставило прекрасный шанс прославиться другим, мелким сектам.

На вид юный трактирный слуга на деле оказался тертым калачом:

— Уважаемые гости, куда же вы спешите? Я ведь еще не досказал, чем дело кончилось!

Гости прикрикнули на него:

— Так продолжай давай!

Бесстыжие глаза слуги забегали, и он принялся делать вид, будто смахивает несуществующую пыль:

— Я бы с радостью продолжил, да только вернется скоро хозяин, увидит, что я здесь прохлаждаюсь, пыль не тру, серебро не зарабатываю, и бранить меня станет за праздность...

Гости тотчас уловили скрытый смысл: парень выпрашивал награду и деньги! На стол полетели несколько мелких серебряных монет и медяки, но трактирный слуга, бросив на них взгляд, презрительно скривил губы:

— И это вся монета...

К счастью, здесь присутствовал Цзян Чжо. будучи молодым господином из богатой семьи, он швырял деньги направо и налево, шлепнув на стол целый кошель:

— Этого хватит? Продолжай рассказ.

Трактирный слуга мгновенно расплылся в улыбке:

— Хватит, хватит! Прошу вас, садитесь ближе, сейчас я все подробно вам изложу. Надо сказать, старосте еще повезло: хоть ум и потерял, но жизнь сохранил. А вот кому не повезло, так это тем зевакам, что той ночью отправились с ним ловить воров — ни один не уцелел, все погибли!

Поскольку говорил он тихо, гостям пришлось вытянуть шеи и податься ближе. Цзян Чжо проявил наибольшую щедрость и велел занять целый стол, чтобы угостить всех присутствующих.

Кто-то осведомился:

— Погибли все до единого? И как же они погибли?

Выражение лица трактирного слуги стало невероятно живописным:

— А как им еще погибать? Всех перевешали! Притом удивительное дело: каждого из повешенных досуха обескровили. Когда ученики Секты Костей Грома переступили порог храма, они обомлели — и внутри, и снаружи все было залито кровью... Причем свежей!

По толпе пронесся ропот. Пусть они и принадлежали к мелким сектам, но вовсе не являлись насквозь фальшивыми обманщиками. Выслушав описания слуги, все тут же принялись шептаться между собой.

Другой гость спросил:

— Раз уж Секта Костей Грома взялась за это дело, должен же был быть какой-то итог?

Трактирный слуга отозвался:

— Итог-то был, да только именно он и заставил Секту Костей Грома потерять лицо в городе! Бессмертным наставником, что держал дозор в наших краях, тогда состоял ученик личного состава сто восьмидесятого поколения главы Секты Костей Грома по имени Ли Юньюань...

Кто-то воскликнул:

— Ли Юньюань! Тот самый младший братец Первого в Поднебесной Ли Сянлина... Тот самый... Второй в Поднебесной?

То ли этот человек прикинулся дурачком, то ли и вправду был глупцом, но он принял обидное прозвище за титул. Стоило помнить, что в подлунном мире сыщется ли хоть один безумец, готовый добровольно зваться Вторым? Другие-то могли не знать, но Цзян Чжо был осведомлен лучше всех: в клане Ли Сянлина царили отвратительные отношения между учителем и учениками, а этот Ли Юньюань, гордо носящий насмешливое звание «Второго в Поднебесной», давным-давно вел с Ли Сянлином двойную игру за закрытыми дверями — иначе с его способностями он бы ни за что не прозябал в этом крошечном Городе Сяньинь.

Трактирный слуга поспешно зажал себе рот ладонью:

— Тс-с, тс-с! Полноте, у нас тут запрещено произносить слово на букву «Второй»! Стоит наставнику Ли услышать его, как он тут же впадает в ярость — из-за этого самого «Второго» он уже не раз срывал злость на людях!

Все двенадцать городов находились под покровительством Секты Костей Грома, и ее адепты чувствовали себя здесь хозяевами положения. Однако Ли Сянлин регулярно рассылал строжайшие предписания, запрещающие подчиненным ученикам кичиться своим положением, так что за долгие годы владычества в Чжунчжоу их репутация в народе оставалась безупречной. Вот только на старуху бывает проруха, что уж говорить о простых смертных? Сколь бы ни был силен Ли Сянлин, у него физически не хватало глаз и рук, чтобы уследить за всем.

Исходя из рассказа слуги, Ли Юньюань почитался за Первого в Городе Сяньинь, и никто здесь не смел ему перечить — местные боялись его до дрожи в коленках. Услышав о жутких происшествиях в ночи полнолуния, он лично возглавил отряд и отправился осматривать разрушенную кумирню.

Кто-то поинтересовался:

— И что же он заявил?

Трактирный слуга ответил:

— Едва ступив в храм, наставник Ли срубил Бессмертного Хуана, заявив, что это проклятие

демона нарушило покой звуков бессмертных и тот «пал в бездну греха».

<http://bllate.org/book/19195/1885296>